

МАРИЯ КОННИКОВА

ВЕЛИЧАЙШИЙ БЛЕФ

КАК Я НАУЧИЛАСЬ
БЫТЬ ВНИМАТЕЛЬНОЙ,
ВЛАДЕТЬ СОБОЙ
И ПОБЕЖДАТЬ

Corpus

18+

Мария Конникова

Величайший блеф. Как я научилась быть внимательной, владеть собой и побеждать

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67742820

*Величайший блеф. Как я научилась быть внимательной, владеть собой и побеждать: АСТ: CORPUS; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-134716-1*

Аннотация

Покер – не просто азартная игра, это целое искусство, в котором удача только на первый взгляд самое важное. Имея научную степень по психологии, журналистка Мария Конникова начала играть в покер именно для того, чтобы лучше понять, где проходит граница между удачей и мастерством, чтобы разобраться, что человек может контролировать, а что нет. Покер, в отличие от любой другой игры, есть отражение жизни. Он далек от рулетки, где важно лишь везение, и от шахмат с их математикой. Как и мир, где мы живем, покер представляет собой сложное переплетение того и другого.

Автор прошла путь от новичка до победительницы престижных турниров и рассказала в этой книге – живо, легко и захватывающе – о том, как покер изменил ее жизнь.

Используется нецензурная брань.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Прелюдия	7
Деньги на стол	13
Рождение игрока	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Мария Конникова Величайший блеф. Как я научилась быть внимательной, владеть собой и побеждать

Посвящается памяти Уолтера Мишеля.

Я так и не сдержала слова – не опубликовала свою диссертацию. Но зато я написала эту книгу. Да будет нам дана мудрость всегда отличать то, что мы можем контролировать, от того, что не можем.

И моей семье, с благодарностью за то, что вы были со мной, что бы ни происходило. Пусть все будут здоровы.

В жизни случайного больше, чем может признать человек, сохраняющий здравость рассудка.

Фаусто Майстраль, герой романа Томаса Пинчона V¹

Я желаю вам удачи, потому что и так впереди у вас не праздники, и вам понадобится удача. Однако

*я думаю, вы справитесь.
Иосиф Бродский, Речь на стадионе*

*Но бывает, порой происходит странное,
Бывает, порой мечты сбываются,
Бывает, что луна меняет цвет,
Бывает, что вся жизнь меняется.*

У. Х. Оден, либретто к оперетте “Поль Баньян”

MARIA KONNIKOVA
HOW I LEARNED TO PAY ATTENTION, MASTER
MYSELF, AND WIN

© Maria Konnikova, 2020

© Н. Аллунан, перевод на русский язык, 2022

© ООО “Издательство АСТ”, 2022

Издательство CORPUS®

Прелюдия

Лас-Вегас, июль 2017 года

Зал полон людей. Склоненные головы, задумчивые лица. Многие из них непросто разглядеть из-за темных очков, шляп, капюшонов или массивных наушников. Люди как будто приросли к зеленым карточным столам. Тысячи мужчин и женщин сидят на стульях, словно взятых напрямиком из мебельного каталога 1970-х – горчично-оранжевая обивка, золоченые ножки, почти квадратные формы. Из-за ярких неоновых светильников, подвешенных на временных кронштейнах, помещение смахивает на принаряженную к празднику операционную в больнице. Все немного потертое, слегка устаревшее, самую малость изношенное. На первый взгляд кажется, что посетители сидят безо всякой системы. И лишь свисающие с потолка разноцветные таблички с номерами выдают некий замысел, скрытый за всем этим. Тут собрались оранжевые номера, там желтые, дальше – белые. На каждой табличке – число, а под ним – одинокая покерная фишка. В спертom воздухе разлит запах казино: старых ковров, пудры, пота, чуть приторных духов, остывшей жареной еды и выдохшегося пива. И еще в этом воздухе чувствуется металлический привкус, который не спутаешь ни с чем – запах тысяч уставших людей, сидящих в одном помещении с самого утра.

Среди всего этого калейдоскопа ощущений сначала трудно понять, чего же не хватает. Потом вы понимаете: в зале стоит зловещая тишина. Будь это настоящая вечеринка, тут гудели бы бесчисленные голоса, слышался бы грохот отодвигаемых стульев, эхом отдавались бы шаги. Но всего этого нет, а есть только нервное напряжение. Такое мощное, что его можно учуять, услышать, ощутить на языке. И вы прямо чувствуете, как оно сворачивается в тугой клубок у вас под ложечкой. Единственный звук нарушает тишину – похожее на громкий стрекот летних цикад щелканье фишек.

Так выглядит первый день величайшего турнира по покеру – Главного события Мировой серии покера (*Main Event of the World Series of Poker, WSOP*). Это Кубок мира, серия Мастерс, Супербоул – с той лишь разницей, что тут не нужно быть суператлетом, чтобы побороться за победу. Участвовать может каждый. За кругленькую сумму в десять тысяч долларов любой имеет право попробовать стать лучшим в покере, заслужить титул чемпиона мира и денежный приз, составляющий почти девять миллионов долларов. Если вы из Великобритании или Австралии, вам даже не придется платить с него налоги. Это величайшее достижение в карьере как профессиональных игроков, так и любителей. Победитель Главного события навсегда входит в историю покера. Можно сесть за стол с лучшими из лучших и попробовать завоевать самую престижную и ценную награду. Некоторые годами откладывают деньги, чтобы однажды испытать себя.

День подходит к концу. Из нескольких тысяч человек, которые стартовали сегодня (турнир приходится разбивать на этапы, чтобы дать возможность поучаствовать всем желающим; мечта стоит дорого, но манит неодолимо), многие уже выбыли, проиграв все. Оставшиеся сосредоточились на том, чтобы продержаться до конца дня. Кому хочется после целого дня стараний *вылететь*² с пустыми руками за несколько минут до окончания? Все сражаются за волшебный пакет, вожденный пластиковый конверт на молнии, куда счастливики, заслужившие право продолжить игру на следующий день этого многодневного события, складывают свои фишки. Восторженными заглавными буквами вы пишете на нем свое имя, страну, количество фишек и запечатываете чертов конверт липкой лентой сомнительной липучести. Потом вы неизбежно фотографируете конверт для соцсетей, приписываете, сколько у вас осталось фишек, и ставите хэштег #WSOP. После чего отрубаетесь до утра в каком-то безмянном отеле.

Но момент для конвертов и хэштегов еще не настал. До конца игры остается два часа. Целых два часа! За это время многое может случиться. Поэтому ситуация за одним из столов выглядит весьма странно. Восемь игроков сидят, как положено, получают карты и делают с ними все, что обычно делается при игре в покер. Но один стул, за номером шесть, пустует. Казалось бы, что тут особенного – пустые стулья по-

² Термины, выделенные курсивом, можно найти в словаре в конце книги.

являются, когда один игрок выбыл, а занять его место пока никому. Однако в данном случае никто из игры не выбывал. Перед пустым стулом на зеленом сукне лежат аккуратные столбики фишек, рассортированные по стоимости: от самых дешевых слева до самых ценных справа. И на каждом круге дилер берет *анте* – определенную сумму, которую каждый должен поставить на кон, чтобы увидеть карты, – сдает отсутствующему игроку две карты и в конце бесцеремонно сбрасывает их. С каждым кругом столбики фишек понемногу тают. А стул остается пустым. Что за идиот мог заплатить десять тысяч долларов за участие в самом престижном покерном турнире и не явиться на игру? Каким безмозглым тупицей надо быть, чтобы растерять стек на *блайндах* (то есть позволить своему запасу фишек таять, пока вы не участвуете в раздачах) в разгар Главного события?

С прискорбием вынуждена сообщить, что этим гением был автор книги, которую вы держите в руках. Пока остальные игроки праздно гадали о моей судьбе, я корчилась в туалете отеля и казино “Рио” в позе эмбриона, и меня, за неимением лучших слов, выворачивало наизнанку. Может быть, я отравилась гуакамоле в мексиканской кафешке дальше по коридору во время обеденного перерыва (так и знала, что есть его не стоит)? А может, это реакция на стресс? Или отложенное действие желудочного гриппа? Все может быть. Но я бы поставила на мигрень.

Я готовилась без устали. Я старалась предусмотреть все

случайности – включая, разумеется, приступ мигрени. Я страдаю от нее всю жизнь, и я не собиралась пускать что-либо на самотек. Я приняла ибупрофен для профилактики. Позанималась с утра йогой, чтобы снять напряжение. Помедитировала. Проспала целых девять часов. Я даже поела в обеденный перерыв, хотя на нервной почве мне кусок в горло не лез. И тем не менее.

Вот что следует помнить о жизни: можно приложить все усилия, но что-то все равно упрямо останется за пределами вашего контроля. Банальное невезение невозможно просчитать. Как говорится, хочешь насмешить Господа – расскажи ему о своих планах. Я отчетливо слышала тихое хихиканье.

Я начала играть в покер именно для того, чтобы лучше понять, где проходит граница между удачей и мастерством, чтобы разобраться, что я могу контролировать, а что нет. И вот, пожалуйста, донельзя наглядный урок: судьбу не проведешь. Покеру наплевать, зачем я ввязалась в игру. Мне некому подать жалобу, некому понять: “Но это же Главное событие!” Причины не имеют значения. Нервы или стресс, мигрень или отравление – карты будут сдаваться. Смысл урока кристально ясен: я могу только предусмотреть все, что можно предусмотреть, а остальное – что ж, остальное решать не мне.

Я пыталась выбрать, что лучше: умереть сразу или подкупить кого-нибудь, чтобы мне дали собрать жалкие остатки моих фишек и уползти умирать в какое-нибудь не столь

липкое и зловонное место, как эта кабинка туалета. И пока я раздумывала, в кармане предательски брякнул телефон. Пришло смс от моего тренера Эрика Сайдела: “Как дела?” Ну конечно, он хотел знать, как проходит главное испытание его ученицы. Хихиканье с небес определенно стало громче. Я собрала остатки силы воли и написала в ответ: “Нормально. Стек чуть ниже среднего. – Это, насколько я знала, было правдой. – На том и держусь”. А вот это уже меньше соответствовало истине, но оптимист я или как?

“Ладно, удачи!” – пришло в ответ. О, Эрик, знал бы ты, как она мне сейчас нужна – хорошая порция старой доброй удачи.

Деньги на стол

Нью-Йорк, конец лета 2016 года

Но при всех затратах и опасностях этого занятия нет лучшего способа для мужчины познать жизнь среди людей, как сесть за карточный стол, в особенности за тот, где играют в покер.

Клеменс Франс, “Тяга к азартным играм”

В глубине кафе я вижу бейсболку Эрика Сайдела. Она лежит на кушетке рядом с ним самим. Я узнала ее, потому что тщательно изучила Эрика, прежде чем завести знакомство. Я заранее составила его психологический профиль – по крайней мере, профиль того человека, каким он кажется со стороны. Он не похож на прочих профессиональных игроков в покер: обычно те жаждут внимания толп, обожают, когда их снимают, любят работать на публику и носятся со своими “фичами”, будь то приступы гнева, немотивированная агрессия или привычка безостановочно болтать за столом. Эрик молчалив. Сдержан. Всегда внимателен. Похоже, он играет взвешенно и расчетливо. И побеждает: у него восемь браслетов *WSOP*, титул победителя Мирового покерного тура и десятки миллионов долларов призовых денег. Я тщательно подумала, прежде чем выбрать его. Еще бы – я ведь собира-

уюсь предложить ему провести со мной целый год. Предложение в каком-то смысле не хуже брачного. Тут важно пред-
варительно как следует изучить объект.

Впервые за долгое время я нервничаю – по-настоящему нервничаю. Я вдумчиво подобрала наряд для этой встречи – изысканный, но не консервативный, серьезный, но не слишком. Чтобы выглядеть как человек, которому можно доверять и на которого можно положиться, но в то же время как человек, с которым приятно пройти по барам. Я собираюсь охмурить его по всем правилам науки.

Мы встречаемся в заведении, представляющем собой голливудскую версию французского кафе. Я пришла рано, но он – еще раньше. Вон он, в дальнем углу, скрючился за столиком, слишком крохотным для его почти двух метров роста и длинных конечностей. Темная футболка оттеняет бледное, сосредоточенное лицо. Он читает журнал. К моему огромному облегчению это свежий, августовский номер “Нью-Йоркера” – тот, что с нежной морской акварелью Семпе³. Игрок в покер, читающий “Нью-Йоркер”, – как раз такой человек мне и нужен. Словно почуявшая след гончая, я осторожнодвигаюсь к столику, стараясь не спугнуть свою жертву.

³ Жан-Жак Семпе (р. 1932) – французский художник-карикатурист, известный в числе прочего благодаря совместной работе с Рене Госсини над книгами о приключениях Малыша Николя, неоднократно становился автором обложек для журнала “Нью-Йоркер”. (Здесь и далее, если не указано иное, – прим. перев.)

Эрик Сайдел, безусловно, самый скромный чемпион по покеру в мире. Кроме успехов в покере, он выделяется среди других игроков еще и продолжительностью карьеры: он до сих пор сражается за звание лучшего игрока, начав еще в конце восьмидесятых. А это непросто, ведь за последние тридцать лет игра серьезно изменилась. Как и во многих других областях современной жизни, количественная составляющая покера стала важнее качественной. Главным стала не интуиция, а расчеты. Не наблюдательность, а статистика. Не “чутье”, а теория игр. Похожая тенденция наблюдается в столь далеких друг от друга областях, как психология, где социальная психология уступает место нейробиологии, и музыка, где алгоритмы и эксперты просчитывают не только то, что мы слушаем, но и то, как, с точностью до доли секунды, выстраивается мелодия, чтобы песня стала популярной. Вот и в покере та же история. Вокруг столов расселись доктора наук из Калифорнийского технологического⁴. Распечатки статистических данных уже никого не удивляют. В беседах то и дело мелькают *GTO* (*Game Theory Optimal*, теория оптимальной игры) и *+EV* (*positive expected value*, по-

⁴ Калифорнийский технологический институт, расположенный в городе Пасадена, Калифорния, – один из двух главных университетов США (наряду с Массачусетским технологическим), специализирующихся на точных науках.

ложительное математическое ожидание). Разговоры о вероятностях звучат громче разговоров о чувствах. Эрику предрекали, что если он будет придерживаться своего стиля игры и больше полагаться на человеческий фактор, чем на математику, то его ждет судьба динозавров. Однако он остается одним из лучших игроков. В мире профессионального покера – мире, где правят раздутое самомнение, тестостерон, слова-паразиты и эгоизм, – Эрик выделяется не только скромностью. Он, возможно, единственный игрок-профессионал, который состоит в Бруклинской музыкальной академии⁵ или может запросто метнуться на другой конец страны, чтобы посмотреть стендап Дэйва Шаппелла⁶, а еще обладает почти энциклопедическими познаниями в достижениях кулинарии от Лос-Анджелеса до Манилы. И он уж точно единственный игрок-профессионал, предпочитающий Нью-Йорк Лас-Вегасу, – кроме обычного жилья в Вегасе у него есть временная резиденция на Манхэттене, в Верхнем Вест-сайте, том самом районе, где прошло его детство. Его любознательность неподдельна и безгранична, его любовь к жизни стопроцентно заразительна.

– Ангус и Джулия Стоун – слышали их? – ни с того ни

⁵ Бруклинская музыкальная академия – центр, занимающийся поддержкой развития авангардного искусства, не только в области музыки. Включает в себя оперный и драматический театры, общедоступный цифровой архив и многое другое.

⁶ Дэйв Шаппелл (р. 1973) – американский стендап-комик, актер и сценарист, лауреат двух премий “Эмми” и одной – “Грэмми”.

с сего спрашивает он на нашей первой встрече.

Кого? Я даже не понимаю, откуда это. Может, это писатели, о которых я ничего не знаю? Или актеры, прошедшие совершенно мимо меня? Или просто какие-то ньюйоркцы, которых, по его мнению, я должна знать? Оказывается, музыканты. Я сижу и надеюсь, что не убила его интерес ко мне и все еще выгляжу достаточно интеллигентной, чтобы пройти испытание на ширину кругозора. Моя нервозность растет, как на дрожжах.

– Это нечто особенное, – говорит он. – Дуэт из Австралии, брат и сестра. Я много раз слышал их вживую.

Впоследствии я еще часто буду слышать от него это выражение – “нечто особенное”. Майк Бирбиля – нечто особенное. Новая постановка “Отелло” – нечто особенное. Маленький неформатный суши-бар вдалеке от туристических троп Лас-Вегаса, в котором мы обедали во время моей первой вылазки в город греха, – нечто особенное. Профессиональный игрок в покер по прозвищу *LuckyChewy* – нечто особенное. Я младше Эрика на четверть века, но, общаясь с ним, я понимаю, что уже забыла, каково это – получать удовольствие от нового опыта. Я обленилась. Мне все надоело. Мне хочется свернуться клубком и лежать, а не идти в центр 92^У на новое ток-шоу или в *Joe's Pub* на какое-то невразумительное действо канадских музыкантов (Эрик вытащил меня и туда, и туда, и я не пожалела. За месяцы, последовавшие за нашим знакомством, мой плейлист наполнился множеством реко-

мендованных им композиций, у меня появилась куча новых любимых стендап-шоу, а мой список того, что нужно будет когда-нибудь обязательно посмотреть на *Netflix* или в театрах, – до которого у меня точно никогда не дойдут руки, – разросся до огромных размеров. Эрик – ходячий справочник “Что интересного в городке”⁷). Мое представление об идеальном вечере: бокал вина или чашка чаю дома, что-нибудь почитать или посмотреть на сон грядущий. А Эрик на это: “Ты в Нью-Йорке, лучшем городе Земли! Смотри, сколько всего ты упускаешь!”

Такой же энтузиазм и любознательность он проявляет, когда дело касается покера. Эрик следит за успехами новых игроков, разбирается в приложениях и программах и ни на минуту не допускает, что уже знает все, что можно. Он отказывается почивать на лаврах. Если бы мне пришлось придумать ему девиз, я бы выбрала такой: “Жизнь слишком коротка для самодовольства”. И когда я все-таки задала вопрос, который ему приходится слышать чаще всего: какой главный совет он дал бы начинающим игрокам в покер? – его ответ заключался в двух словах: будьте внимательны. Два простых слова, о которых мы чаще всего забываем. Обращать внимание на то, что происходит здесь и сейчас, гораздо труднее, чем идти по пути наименьшего сопротивления.

Я узнала об Эрике, наверное, оттуда же, откуда узнают о

⁷ *Goings On About Town* (букв. “Что интересного в городке”) – приложение к журналу “Нью-Йоркер”, где публикуются анонсы событий.

нем и большинство новичков в покере – из фильма 1998 года “Шулера”. Во многих отношениях именно благодаря этой картине игра сделалась массовым увлечением. Главный герой (в исполнении Мэтта Дэймона), одаренный студент юридического факультета, играет в покер, чтобы платить за учебу, а в конце концов отказывается от карьеры юриста, выбрав путь профессионального игрока. И больше всего персонажа Мэтта Дэймона вдохновлял конкретный случай, *шоудаун* за финальным столом *WSOP* 1988 года, где играли Джонни Чен и Эрик Сайдел. Разбор этой игры происходит на протяжении всего фильма. Чертов Джонни Чен, великий мастер, без конца повторяют комментаторы. И Эрик Сайдел – паренек, попавший как кур в ощи́п. Самая известная в непокерном мире раздача. Дамы Эрика проиграли стриту Чена – это была мастерская ловушка для ни о чем не подозревающей жертвы.

Чен на тот момент был действующим чемпионом, Эрик же впервые в жизни участвовал в крупном турнире. Он одолел 165 соперников, чтобы дойти до финального стола и остаться одним из двух выживших. Невероятный подвиг и потрясающее начало карьеры.

Фильм был хитом среди студентов. Он вышел в конце девяностых, а к началу нулевых каждый подросток уже подумывал, сможет ли он оплатить учебу с выигрышей в покер. Я в то время покером вовсе не интересовалась – даже понятия не имела, что такое *стрит* или почему Чен использовал его как ловушку для Сайдела. Для меня все это было китай-

ской грамотой, и я не горела желанием учить иероглифы. Но несколько лет спустя, когда я все же посмотрела фильм, меня глубоко потрясла фраза, которую произносит Мэтт Дэймон, рассуждая о дуэли Чена и Сайдела: “Это не о том, как играть в карты. Это о том, как играть людьми”. Клише, конечно, – однако это клише описывает то, что меня интересует, то, что занимает мои мысли больше всего на свете. Психология. Самоконтроль. Способность прочесть свой стрит до конца – как это сделал Чен. Иметь на руках самую сильную комбинацию, но никак это не выдавать, чтобы соперники думали, будто они побеждают, хотя на самом деле они уже проиграли. Не нужно знать, что такое стрит и чек, чтобы оценить всю красоту этой стратегии.

И вот передо мной сидит тот самый человек: никому не известный паренек, ставший мастером. Живая легенда в мире покера. И я хочу уговорить его, чтобы следующий год своей жизни он потратил на мое обучение – при том что он, насколько мне известно, никогда не брал учеников, а я никогда не играла в покер. Я хочу, чтобы Эрик учил меня, чтобы он подготовил меня к главному чемпионату по покеру, Мировой серии покера, она же *WSOP*. Тому самому турниру, благодаря которому он много лет назад невольно превратился в легенду. В ходе обучения я рассчитываю понять, как принимать лучшие из возможных решений не только за карточным столом, но и в жизни. Освоив покер, я надеюсь приручить удачу – научиться менять жизнь к лучшему, даже когда

карта категорически не идет.

* * *

Я думала, это займет год — точно отмеренный, контролируемый срок. Легко представить, легко осознать. У меня был план. Понравиться Эрику, объединить усилия, поучаствовать в Главном событии *WSOP*. И выжить, чтобы рассказать, как это было.

Назначить срок было проще всего. Год — это просто и ясно. От сих до сих. Год подкупает — ведь каждый легко может представить, как занимается чем-то в течение этого периода. Мой год того-то, мой год сего-то, год, когда я буду пробовать себя в новой роли строго до назначенного дня. Никому не интересно слушать о моих трех с половиной годах не вполне успешных попыток. У кого найдется столько времени? Другое дело — задача на год, это можно осилить. Отличное противоядие против беспорядочности жизни.

Но у жизни были свои идеи на этот счет. План пришлось пересмотреть. График полетел в тартарары под напором непредвиденного. И в самом деле: хочешь насмешить Господа — расскажи ему о своих планах. Что бы я ни думала о Боге, я верю в случай. В пыхтение паровоза Вселенной, который прет себе по рельсам, не заботясь о нас, наших планах, наших мотивах и наших действиях. И будет пыхтеть, что бы мы ни делали или ни отказывались делать. Возможности.

Случайности. То, что мы не можем проконтролировать, как бы ни пытались. Но кто упрекнет нас за то, что мы не оставляем попыток?

* * *

То, как мы пытаемся нащупать точку равновесия между удачей и контролем, то, как мы принимаем решения, – проблема, занимающая мои мысли много лет. Когда я была маленькой, мне выпала, быть может, величайшая удача в моей жизни: родители уехали из Советского Союза, и мне открылся мир возможностей, о которых иначе я не могла бы и мечтать. Подростком я прилагала все силы, чтобы добиться наилучших результатов в учебе и стать частью нового поколения в нашей семье, поступившего в колледжи Соединенных Штатов. Повзрослев, я захотела разобраться, чего в своей жизни я добилась сама, а не получила по прихоти судьбы – как и многие люди до меня, я стремилась понять, насколько мои достижения – моя заслуга, а насколько – удача. В книге “Сказанное и сделанное” Симона де Бовуар пишет: “Шанс, что тот самый сперматозоид оплодотворит ту самую яйцеклетку, учитывая, что прежде мои родители должны были встретиться, а еще прежде – появиться на свет, как и все их предки – был меньше, чем один на сотню миллионов”. Такова роль случайности в бытии. “И благодаря стечению обстоятельств, предсказать которое при нынешнем уровне разви-

тия науки практически невозможно, я родилась женщиной. И от каждого прожитого с тех пор мгновения, представляется мне, ответвляются тысячи вариантов прошлого. Я могла заболеть, могла бросить учебу. Могла не встретить Сартра. Все что угодно могло случиться”, – продолжает де Бовуар. Да разве можно мечтать отделить случайность от результатов сознательных усилий?

Это был философский вопрос не хуже других. И я выбрала лучший из известных мне способов для поиска ответа: я пошла в магистратуру. Сформулировала вопрос. Исследовала тему. Мне было интересно: как часто мы на самом деле контролируем происходящее? И как в ситуациях, где правит случай, на наши решения влияет иллюзия, будто мы что-то контролируем? Как ведут себя люди, когда им не хватает информации о том, что с ними происходит?

Во время своей учебы в докторантуре я просила людей симитировать игру на бирже с ограничением по времени. На протяжении пяти лет в моем исследовании поучаствовали тысячи испытуемых. В ходе задания они должны были вложить определенную сумму денег в одну из двух акций или в облигацию. Деньги были настоящие, а от успешности вложения зависело, сколько испытуемому заплатят – в диапазоне от одного доллара до семидесяти пяти и больше. Финансовую операцию каждый испытуемый проделывал более сотни раз. Облигация гарантированно приносила деньги, но мало – всего один доллар. А вот акции были аналогичны настоя-

щей игре на бирже: если повезет, на них можно было заработать до десяти долларов за круг, но если нет, то с ваших доходов одним щелчком спишутся именно десять долларов. В каждом раунде одна из двух акций (остроумно названных нами “А” и “Б”) случайным образом назначалась “хорошей”, другая – “плохой”. “Хорошая” давала пятидесятипроцентный шанс заработать десять долларов, 25 % – остаться при своих и еще столько же – потерять десять долларов. “Плохая” понижала ваши шансы на выигрыш до 25 % и повышала шансы проиграть до 50 %. Меня интересовало вот что: какой стратегией будут руководствоваться участники и насколько быстро они поймут, которая из акций “хорошая” (оптимальная инвестиционная стратегия быстро выводит вас на “хорошую” акцию и позволяет по итогу выиграть максимальную сумму, невзирая на эпизодические проигрыши)?

Но результат этого эксперимента оказался совершенно неожиданным. Снова и снова испытуемые переоценивали свою способность контролировать события. А ведь это были умные люди, во многих отношениях преуспевающие, люди, которые должны были бы знать, что к чему. Мало того, что они слишком поспешно решали, как будут распределять свои инвестиции, так еще и, исходя из очень неполных данных, делали смелое предположение, какая из акций “хорошая”, и упрямо стояли на своем, даже когда начинали терять деньги. Чем больше они переоценивали значение собственных способностей относительно роли случая, тем хуже

делали выводы из происходящего и тем менее эффективные решения принимали. Чем дальше, тем меньше была вероятность, что испытуемый начнет отдавать предпочтение выигрышной акции; вместо этого он обычно удваивал ставку на проигрышную акцию или полностью переходил на облигации. Люди были уверены, что знают больше, чем знали на самом деле, и из-за этой уверенности игнорировали любые признаки своей неправоты, особенно когда, как это часто бывает на настоящих биржах, “хорошие” акции превращались в “плохие” и наоборот. Иными словами, иллюзия контроля не давала им по-настоящему управлять событиями в игре, и довольно скоро качество решений падало. Испытуемые выбирали то, что выбирали прежде, или то, что им казалось правильным, – не замечая, что обстоятельства уже изменились и прежде успешная стратегия больше не работает. Если им не нравилось то, что пыталась сообщить им Вселенная, они оставались глухи к ней. Им нравилось царить над обстоятельствами. Если обстоятельства вдруг оказывались умнее – они обижались. Вот она, суровая правда жизни: мы слишком часто думаем, что все контролируем, хотя на самом деле в нашей игре правит случай.

Загадка осталась загадкой. Но где искать ответ? Иначе говоря, как теоретические знания могут помочь принимать более верные решения?

Непростой вопрос, и вот почему: уравнение с такими переменными, как мастерство и удача, на самом деле – из об-

ласти теории вероятности. А наш мозг имеет встроенный недостаток: мы плохо понимаем вероятности. Статистические показатели не умещаются у нас в голове, потому что наш мозг в ходе эволюции не приспособился для того, чтобы понимать неопределенность, изначально заложенную в теории вероятностей. На заре нашего развития не было никаких чисел, только личный опыт и наблюдения. Жизнь не учила наших предков иметь дело с абстрактным знанием типа: “Тигры в данной местности встречаются крайне редко, вероятность встретить тигра составляет всего 2 %, а вероятность, что он нападет на тебя, – еще меньше”. Вместо этого мы привыкли руководствоваться сырыми эмоциями: “Прошлой ночью тут бродил тигр, и это было чертовски страшно!”

С тех пор прошли тысячи лет, а недостаток никуда не делся. Психологи называют его “разрывом между описанием и опытом”. Одно за другим исследования доказывают: людям не под силу усвоить математические методы; вместо того чтобы опираться на предъявленные им данные, они принимают решения, основываясь на “чутье”, “интуиции” и “таком чувстве, что это правильно”. Нужны специальные тренировки, чтобы научиться видеть мир в свете теории вероятностей, – и даже те, кто работал над этим, часто игнорируют цифры, цепляясь за личный опыт. Мы верим в то, что хотим видеть, а не в результаты исследований. Возьмем для примера то, что сейчас у всех на устах: готовность к чрезвычайным ситуациям. Что вы делаете, чтобы подготовиться к стихий-

ным бедствиям – ураганам, наводнениям, землетрясениям, – которые происходят все чаще по мере потепления климата? А надо ли вам опасаться ядерной войны или терактов? Существует статистика, способная подсказать, имеет ли смысл покупать ту или иную страховку для дома и стоит ли вообще приобретать недвижимость в определенном районе. Точно так же, как существуют вероятностные графики, показывающие, насколько велик ваш риск стать жертвой теракта по сравнению, например, с возможностью стать инвалидом или даже умереть, поскользнувшись в собственной ванной. Но психологи убеждаются вновь и вновь: какие графики и данные ни показывай людям, это не повлияет ни на их субъективную оценку риска, ни на их решение. А что же способно заставить их передумать? Только личный опыт или опыт знакомых. Скажем, если вы застали ураган “Сэнди” в Нью-Йорке, вы с большей вероятностью купите страховку от наводнений, чем те, кто не сталкивался с ним. А если вы как раз из тех, кто ничего подобного не испытывал, вы вполне можете вложить деньги в недвижимость в Малибу, несмотря на данные, утверждающие, что пляж скоро смоем вместе с вашим домом. Если вы пережили Одиннадцатое сентября, вы будете бояться терактов больше, чем они того заслуживают. Во всех перечисленных случаях реакция людей не учитывает статистику. Не каждый дом в Нью-Йорке нужно страховать на случай наводнения – это неблагоприятный опыт заставляет вас перестраховываться. Дома на берегу – очень рис-

кованная инвестиция в дальней перспективе, вы недооцениваете риск, потому что сами никогда не попадали в статистику пострадавших. Вероятность трагически поскользнуться в ванной на несколько порядков выше, чем вероятность стать жертвой террористов, – но попробуйте убедить в этом кого-нибудь, особенно тех, кто лично знал погибших в Башнях-близнецах.

Личный опыт перевешивает любые другие данные, хотя на самом деле он очень часто весьма однообразен. Да, можно учиться “на своих ошибках”, но опыт – плохой наставник. Вот почему так трудно отделить роль сознательных усилий от роли случая при принятии повседневных решений – для этого надо оценивать статистические данные, а мы к этому не приспособлены. При чем здесь покер? При том, что если использовать свои познания правильно, то они могут стать могущественным союзником в понимании вероятностных сценариев. Просто не надо считать опытом одно-единственное случайное событие. Это должен быть систематический процесс обучения – совсем как за карточным столом. А правильное систематическое обучение способно помочь разобраться, что случайно, а что нет, куда лучше, чем потоки цифр или изучение теории.

Спустя несколько лет после того, как я покинула университет, проблема “сознательные усилия или случай” затронула меня лично. 2015 год выдался непростым для клана Конниковых. В начале января моя мама, которую я считаю при-

мером для подражания решительно во всем, потеряла работу. Она проработала в компании двадцать лет, но после продажи доли новому владельцу ее без промедления сократили. Ее коллеги плакали. Ее начальник рыдал. Они даже подали прошение, чтобы маму взяли обратно. Она была великолепна в своем деле – программировании. Я была уверена, что мама быстро снова встанет на ноги. Но не тут-то было: ей пришлось столкнуться с суровой реальностью Кремниевой долины, где процветает возрастная дискриминация, особенно в отношении женщин. Маме перевалило за пятьдесят – слишком много, чтобы вписаться в молодой динамичный коллектив, и слишком мало, чтобы выйти на пенсию. Год спустя она все еще оставалась без работы. “Это несправедливо”, – думала я. Но если мама чему-то и научила меня, так это тому, что жизнь не знает слова “справедливость”. Есть только везение. Живи с этим.

Несколько месяцев спустя моя жизнерадостная, здоровая, самостоятельная бабушка встала ночью с постели и поскользнулась. Металлический угол кровати. Жесткий линолеум. И никого больше в квартире, чтобы поднять тревогу. Соседи нашли ее утром, заметив свет, который она не погасила. Через два дня она умерла. Я с ней так и не попрощалась. Я даже не помню, о чем мы говорили в последний раз, – это был обычный дежурный разговор, все те же слова, все те же интонации, ни у одной из нас не было ничего нового, чтобы сообщить другой. Наверное, бабушка спрашивала, когда

же выйдет моя книга. Она не смогла бы прочитать ее – для этого ей пришлось бы ждать, когда книгу выпустят на русском, – но ей хотелось поддержать ее в руках. Да, вероятнее всего, этот вопрос прозвучал. Бабушка каждый раз спрашивала меня о книге. А я сердилась: “Ну что ты все спрашиваешь? Выйдет – я тебе сама скажу”. Я начала раздражаться. Бабушка повысила голос и заявила, что раз так, больше никогда и ни о чем меня не спросит. Мне следовало быть добрее к ней. Но все мы умны задним числом. Бабушка всегда заканчивала свои голосовые сообщения словами: “Твоя бабушка”. Словно я могла бы не узнать ее. Я никогда не пере званивала ей сразу. Она пережила Вторую мировую войну, Сталина, Хрущева и Горбачева, но ее доконал скользкий пол и один неверный шаг. Нечестно. Точнее, просто не повезло. Поставь она ногу иначе, была бы сейчас жива.

Потом работу потерял мой муж. С их стартапом что-то пошло не так. И я вдруг обнаружила себя в положении, в котором не оказывалась много лет: мне пришлось содержать семью на заработки журналиста. Мы съехали из прекрасной квартиры в Западном Гринвич-Виллидже. Мы поменяли привычки. Мы изо всех сил старались приспособиться. И тут, ко всему прочему, у меня начались проблемы со здоровьем. Незадолго до этого у меня обнаружили странное ауто-иммунное заболевание. Никто точно не мог сказать, что это, но мои гормоны обезумели, и, как следствие, у меня появилась аллергия практически на все. Одно время я даже не

могла выйти из дому, потому что кожа покрывалась сыпью от соприкосновения с чем угодно, а на улице была зима. Я сидела, скорчившись, за ноутбуком, в старой разношенной футболке и надеялась на лучшее. Я ходила от одного специалиста к другому, я меняла курсы стероидных препаратов, но все врачи в один голос говорили: “Идиопатический случай”. В переводе с языка врачей это означает: “Мы без понятия, что это”. Эта идиопатия (от слова “идиотизм”) обходилась нам дорого. Это было нечестно. Мне не повезло. Или дело не в везении? Может, я сама виновата, что не послушалась маму и тайком выбралась поиграть на балконе много лет назад. В конце концов, я ведь родилась в России, и как раз тогда случился Чернобыль. Наверное, мама не просто так велела мне оставаться дома. Возможно, в двухлетнем возрасте я сама навлекла на себя беду. “Мы не можем представить себе эти болезни, они зовутся идиопатическими, неясного происхождения, но инстинктивно мы чувствуем, что за этим должно стоять что-то еще, некая слабость, которую они используют. Невозможно, невыносимо думать, что эти болезни настигают нас по чистой случайности”, – читала я у Джеймса Сэлтера⁸ и ловила себя на том, что киваю каждому слову, – таким знакомым мне казалось написанное. Кто бы ни был виноват, я или случай, это гадство.

⁸ *Джеймс Сэлтер* (1925–2015) – американский писатель, автор рассказов; лауреат нескольких литературных премий. На русский язык его произведения не переводились.

Такой образ мысли хорошо известен. Удача сопровождает нас повсюду, она необходима и для того, чтобы утром благополучно добраться на работу, и для того, чтобы выжить на войне или при теракте, когда людям, стоявшим рядом с нами, повезло меньше. Но мы вспоминаем о ней, только когда что-то идет не так. Мы редко подвергаем сомнению роль случая, когда он защищает нас от других людей или нас самих. Когда случай на нашей стороне, мы его недооцениваем: он невидимка. Но стоит ему ополчиться на нас, мы вспоминаем о его силе. И начинаем раздумывать, почему и как.

Некоторые находят утешение в числах. Они зовут случай по-научному: самой обычной вероятностью, которую проходят в старших классах. Сэр Роналд Эйлмер Фишер, статистик и генетик, в 1996 году писал: «Один шанс на миллион», без сомнения, рано или поздно выпадет и будет выпадать именно с положенной ему приблизительной частотой. Но как бы мы удивились, если бы такой шанс выпал именно нам!» Вспомните, что население Земли в настоящее время составляет 7,5 миллиардов человек – и вы поймете, что крайне маловероятные события происходят вполне регулярно. «Один шанс на миллион» выпадает каждую секунду. Кто-то из ваших близких погибнет в результате нелепого несчастного случая. Кто-то потеряет работу. Кого-то поразит загадочный недуг. Кто-то выиграет в лотерею. Это всего лишь вероятность, чистой воды статистика, и это часть нашей жизни, сама по себе не плохая и не хорошая. А вот если бы уди-

вительные совпадения и небывалые случаи не происходили – это и впрямь было бы невероятно.

Некоторые люди воспринимают вероятности эмоционально. Так вероятность превращается в удачу, слепой случай обретает положительную или отрицательную окраску и становится везением или наоборот. Посчастливилось – не посчастливилось. Удачный или неудачный поворот. Некоторые из нас приписывают удаче смысл, целенаправленность, намерение. Рок, карма, кismet – случай, за которым стоит замысел. “Так должно было случиться”. Кое-кто даже идет на шаг дальше и говорит: это было предопределено. Это с самого начала должно было произойти, а если нам кажется, что мы управляем своей судьбой или что у нас есть свобода воли, то это лишь иллюзия.

* * *

Так при чем же здесь покер? До начала работы над этой темой я никогда не играла в карты. Ни разу в жизни не сидела за покерным столом. Даже не видела, как играют. Покер ничего для меня не значил. Но когда на меня одна за другой обрушились неудачи, я поступила так, как всегда поступаю, когда хочу в чем-то разобраться: засела за книги. Я искала хоть что-то, способное пролить свет на происходящее, что-то, чтобы вернуть хоть какое-то подобие уверенности, что моя жизнь зависит только от меня. И в своем лихорадочном

поиске я наткнулась на книгу Джона фон Неймана “Теория игр и экономического поведения”.

Фон Нейман был одним из величайших математиков и стратегических умов XX века. Он изобрел маленькую машинку, которую сегодня мы повсюду носим с собой, – компьютер (хотя в то время они были отнюдь не маленькие), разработал технологию, позже использованную для создания водородной бомбы, и стал отцом теории игр. “Теория игр” – его фундаментальный труд, и вот что я узнала, прочитав эту работу: на создание теории автора вдохновила единственная игра – покер. “Наша жизнь состоит из блефа, из маленьких тактических ухищрений и попыток угадать, что я собираюсь сделать, по мнению другого, – писал фон Нейман. – Это и называется игрой в рамках моей теории”.

* * *

Большинство карточных игр фон Неймана не интересовало. Он находил их такими же скучными, как и людей, что тратят на них свои жизни, тщетно пытаясь добиться мастерства там, где правит случай. Игры, где все решает случайность, однако, с его точки зрения были ненамного хуже своей противоположности, игр вроде шахмат, где каждый ход можно вычислить заранее. И лишь одну игру он не презирал: покер. Покер он просто обожал. Фон Нейман видел в нем то же равновесное сочетание расчета и случая, что царит и в жиз-

ни: в покере достаточно многое зависит от мастерства, чтобы усилия игроков были ненепрасными, и заметную роль играет случай, чтобы игра представляла интерес. Сам фон Нейман играл отвратительно по всем статьям, но это его никогда не останавливало. Покер был для него фундаментальной загадкой, фон Нейман хотел понять его, вскрыть его тайны и в итоге взять над ним верх. Он считал, что если бы только удалось определить, где кончается расчет и начинается случай, сделать так, чтобы от способностей игрока зависело как можно больше, и научиться сводить к минимуму ущерб от случая, то удалось бы найти ответ на один из величайших вопросов в науке принятия решений.

Ибо покер, в отличие от любой другой игры, есть отражение жизни. Он одинаково далек от рулетки, где важно лишь везение, и от шахмат с их математическим изяществом и полнотой данных. Как и мир, где мы живем, покер представляет собой сложное переплетение того и другого. Покер находится ровно посередине между двумя противоборствующими силами, что правят нашей жизнью: случаем и контролем. Каждому может повезти – или не повезти – в одной конкретной *раздаче*, в одной конкретной игре, в одном конкретном турнире. Только что ты был на вершине мира, и вдруг раз – и ты уже выбыл из игры, невзирая на все твоё мастерство, опыт, подготовку и талант. Но в итоге фортуна – переменчивый союзник и враг, а в дальней перспективе побеждает мастерство.

У покера существует математический базис, но к нему примешивается определенная доля человеческих устремлений, взаимодействия, психологии – нюансов, обмана, маленьких трюков, которые пусть и не отражают в точности действительность, но помогают вам добиться преимущества перед окружающими. Люди – существа нерациональные. Информация доступна не всем. У нас не существует правил, четко диктующих, как мы должны поступать, – только нормы поведения и рекомендации. Каждый может в любой момент нарушить эти нормы, причем диапазон нарушений весьма широк. Фон Неймана интересовали игры, где, как и в жизни, невозможно все предвидеть. Обычно мы стараемся принять наилучшее решение, исходя из неполных данных: никогда ведь не знаешь, что на уме у другого человека, точно так же, как не знаешь, какие карты на руках у соперника. Важно не математическое моделирование оптимальных решений – важно выявить скрытое, присущее лишь человеку. Следует помнить, что никакие математические модели не в состоянии охватить все причуды и неожиданности человеческой природы.

Когда я читала обоснование фон Неймана, почему для исследования ключевых стратегических решений (он как-никак консультировал армию США) из всех игр он выбрал именно покер, в голове у меня что-то щелкнуло. Покер – это не теория, как в моих исследованиях. Покер – это практика, это жизнь. Покер – реальное воплощение наилучшего спо-

соба для обучения человеческого разума, причем в ходе систематического процесса, а не отдельного события. Иными словами, покер идеально подходил для моих целей.

Покер – это не одна игра, а целое семейство. Есть несколько разновидностей: омаха, стад, разз, бадуги и *HORSE*. Правила у каждой свои, но в главном они совпадают: часть карт сдается в открытую (так называемые “общие карты”), а часть – рубашкой вверх, так что их видит только игрок, которому они выпали. Игроки делают ставки, оценивая, насколько выигрышная комбинация досталась им и насколько, как им кажется, сильны комбинации у соперников. Поскольку игрок точно не знает, что на руках у других, это игра с неполными данными: в ней надо принимать наилучшее решение, исходя из того немногого, что вам известно. Последний игрок, оставшийся к концу финального круга торгов, забирает банк, то есть все деньги, поставленные на кон к этому моменту всеми игроками.

Но я выбрала разновидность, которая, как оказалось, является наиболее популярной, – безлимитный тexasский холдем. Безлимитный холдем отличается от остальных версий в двух отношениях. Во-первых, в нем четко определены объемы информации, известной всем, и информации, известной только одному игроку. Каждому сдаются две карты рубашкой вверх: закрытые, или *карманные карты*. Это то, что знаю только я. Я могу попробовать догадаться, какие карты достались вам, но знать это точно мне не дано. Единствен-

ное, на чем я могу строить свои догадки, – это на том, каким образом вы делаете ставки с момента, когда сдаются общие карты, открытые всем. В холдеме общие карты сдаются в три этапа: в первом круге торговли – три карты (это так называемый *флон*), во втором еще одна (*тёрн*) и в третьем последняя (*ривер*). В итоге у вас есть две карты на руках (известные только вам), пять карт, открытых всем, и четыре круга торговли – “улицы”, в ходе которых вы пытаетесь угадать, насколько карты, которых вы не видите, сильнее или слабее тех, что вам известны.

В других разновидностях покера неизвестных либо слишком много (например, игрокам сдается по пять карт), так что от способностей игрока мало что зависит, либо слишком мало (в закрытую сдается по одной карте), так что угадывать остается немного. А в техасском холдеме достигается очень полезное равновесие между тем, что решают способности игрока, и тем, что решает случай. Две карты втемную дают максимально реалистичное соотношение контроля и случая: неизвестных достаточно много, чтобы игра служила убедительной моделью жизни, но не настолько много, чтобы она превратилась в сплошную рулетку.

Второе существенное отличие техасского холдема – отсутствие ограничений. Именно безлимитный техасский холдем предпочитал фон Нейман. “В лимитированной игре ограничены и возможности чистого блефа”, – объясняет Амарилло Слим, один из лучших игроков своего времени,

третий в истории победитель *WSOP* (1972 год). Лимит означает, что вы не можете поставить больше определенного предела. Иногда этот предел определяется “правилами дома” – то есть просто оговаривается сумма, больше которой ставка быть не может. Иногда используется так называемый пот-лимит: ставка не может быть больше банка – общей суммы уже поставленных на кон денег. В обоих случаях возможности игроков искусственно ограничены. В безлимитном покере вы можете в любой момент поставить все, что у вас есть. Вы можете “запихать” или “запустить”, то есть пойти олл-ин, поставить все свои фишки. И вот тогда-то игра становится по-настоящему интересной. Лимитный покер – это для “слабаков”, по выражению Слима. “Если нельзя поставить на кон все, это не настоящий покер”, – утверждает он.

И именно это делает безлимитный холдем такой совершенной метафорой того, как мы принимаем решения в повседневной жизни. Потому что жизнь не знает лимитов, никакое внешнее вмешательство не запрещает нам поставить все, что мы имеем, на правильность своего выбора. Что может помешать вам рискнуть всеми деньгами, своей репутацией, своим сердцем или даже жизнью, когда вам вздумается? Ничто. Не существует, по большому счету, никаких правил, вас сдерживают лишь некоторые внутренние подсчеты, о которых знаете только вы. И все, с кем вы имеете дело, знают об этом, принимая собственные решения: как много им стоит поставить на кон, учитывая, что вы можете пойти до

конца? Это бесконечное балансирование на грани⁹, о котором много писал другой титан теории игр, нобелевский лауреат, экономист Томас Шеллинг, происходит в нашей жизни постоянно. Кто первым произнесет “Я тебя люблю”, рискуя пойти олл-ин в отношениях? И если вы скажете эти заветные слова, не вылетите ли вы после этого из игры? Кто одержит верх в деловых переговорах? Кто развяжет войну? Возможность пойти олл-ин – и тот факт, что сделать это может каждый, – важнейшая переменная, сильно усложняющая принятие решений.

Разумеется, существует и эмоциональный компонент. Что за карточным столом, что в жизни, пойти олл-ин означает самый большой риск. Если повезет, вы можете “удвоиться”, то есть выиграть по максимуму, получив вдвое больше, чем поставили, но если удача отвернется, игра для вас закончится. Вы можете заключить лучшую сделку в жизни или найти свое личное счастье – а можете остаться банкротом или с разбитым сердцем. Как в жизни, в безлимитном покере риск велик, но велика и награда. Неслучайно чемпион *WSOP* определяется именно в безлимитном техасском холдеме. И неслучайно я решила изучать именно эту разновидность покера. Если вы хотите научиться принимать наилучшие решения, нужен и наилучший тренажер.

⁹ *Балансирование на грани* – прием при ведении переговоров, когда одна из сторон подталкивает события к нежелательной развязке, пытаясь таким образом заставить оппонента уступить.

Итак, с разновидностью игры определились. Теперь надо выбрать: кэш или турнирный покер? В кэш-игре каждая фишка имеет свой эквивалент в реальных деньгах. Вы входите в игру со вступительным взносом, скажем, 100 долларов, и в вашем распоряжении ровно столько, сколько фишек лежит перед вами. В любой момент вы можете пополнить свой запас, доплатив необходимую сумму. В любой момент можно встать и уйти. А если вы останетесь ни с чем в игре, то можете купить еще фишек и играть дальше. Более того, структура ставок в такой игре неизменна. Если вы сели за стол играть по \$ 1/\$ 2, то есть обязательные ставки составляли 1 доллар малый *блайнд* и 2 доллара большой *блайнд*, они такими и останутся. Вы можете не опасаться, что к тому времени, когда придет ваша очередь ставить *блайнды*, вам придется выложить пять долларов.

В турнирном покере стоимость фишек – вещь относительная; фишки нужны лишь для того, чтобы подсчитывать очки. Заплатив 100 долларов вступительного взноса, вы можете получить и 10 000 фишек, и 200. Это не имеет значения. В начале игры у всех одинаковое количество фишек, и ваша задача – собрать их как можно больше. Победитель получает все. Если вы начинаете проигрывать, дела плохи. Тут невозможно позвать служащего и, заплатив еще 100 долларов, прикупить фишек. А если вы проигрываете все, то выбываете из игры. Ставка в игре – ваша жизнь на турнире. Что касается *блайндов*, то они повышаются по оговоренному гра-

фику. В начале игры они могут быть $1/2$, а через полчаса, сорок пять минут или другой промежуток, в зависимости от правил турнира, уже становятся $2/4$, $4/8$ и т. д. Ваши фишки вдруг теряют в стоимости, и для вас все важнее становится как можно чаще выигрывать банки. Иначе вы в два счета потратите все фишки на блайнды и останетесь ни с чем.

Каждая из этих дисциплин, кэш-игры и турниры, имеет собственную динамику. Кэш-игра – это “Война и мир”: вы можете прочесть несколько сотен страниц и по-прежнему не догадываться, кто же победит. Можно попробовать пропустить несколько глав, но развитие событий это не ускорит. Турниры же имеют скорее шекспировскую природу: третий акт еще в самом начале, а половина персонажей уже мертва. Если нужен обзор жизни на ускоренной перемотке – лучше турнира ничего не найти. И я выбрала турниры.

Узнав о покере от фон Неймана, я несколько месяцев читала книги об этой игре, смотрела видео с игрой лучших профессионалов и слушала комментаторов. И со временем я задумалась: а что, если покер наконец-то поможет мне преодолеть мою чисто человеческую неспособность отличить, где в рутине повседневности следствие моих усилий, а где – результаты случайностей, и развить в себе это умение? Что, если покер поможет моему мужу определить, каким должен быть его следующий шаг в карьере? Когда стоит вступить в игру, а когда подождать лучших карт? Что, если с помощью покера я смогу понять, когда пора перестать ходить по вра-

чам или как выжить под кислотным дождем счетов, планируя наше финансовое будущее? Что, если благодаря покеру моя мама сумеет, как говорят игроки, “выжить на тяжелом столе”? Что, если я пойму, как планировать собственную карьеру так, чтобы получить как можно больше, а потерять как можно меньше? Я решила попробовать разыграть свою руку и выяснить.

* * *

Итак, самое время вернуться к моему знакомству с Эриком Сайделом, для которого покер имеет несколько иное значение. Эрик остается одним из лучших в мире покера в течение трех десятилетий. Он – обладатель восьми браслетов *WSOP* (за всю историю этого турнира лишь пяти игрокам удалось заслужить больше) и победитель Мирового покерного тура (*World Poker Tour, WPT*). Он входит в Зал Славы покера, а в этом зале всего 32 игрока, которые живы по сей день. Он на четвертом месте по сумме полученных призовых денег за всю историю покера (а много лет удерживал первое) и на четвертом же – по количеству игр в рамках *WSOP* (114), на которых он *попал в деньги*. На протяжении нескольких лет он в течение пятнадцати недель занимал первое место в рейтинге *Global Poker Index*, и многие считают его лучшим игроком всех времен.

И с какой бы стати, спрашивается, профессиональному

игроку в покер – тем более, *этому* конкретному игроку! – соглашаться, чтобы не пойми откуда взявшаяся журналистка ходила за ним повсюду, словно тень, и задавала детские вопросы о том, как устроен мир? Слава его не интересует, так что этот журналистский козырь мне не разыграть. Он не любит рассказывать о своей тактике. Он потрясающе скромн.

– Вы же не собираетесь прямо писать обо мне в своей книге? – спрашивает Эрик, услышав мое предложение в бистро в Вест-Виллидже. Он немного разворачивается и сутулится еще больше, словно стараясь сделаться как можно менее заметным.

– Ну... – Такого поворота я не предвидела.

– Не знаю, смогу ли я взяться за это. Знаете, я же никогда никого раньше не тренировал. Да и мое расписание поездок...

Я перебиваю его. Терять мне уже нечего.

– Возможно, я и не знаю, сколько карт в колоде...

– Погодите, вы серьезно? – перебивает уже он, вскинув брови. Во всяком случае, я сумела его удивить.

– Абсолютно. Из меня получится не самый обычный ученик.

Зато, продолжаю я, у меня есть образование и опыт работы.

– У меня докторская степень по психологии. Я изучала принятие решений – то, чем мы занимаемся каждый день, – с научной точки зрения.

– Психолог. Это уже интересно. Это могло бы пригодиться в покере. – Он наклоняется ко мне, поставив костлявые локти по бокам тарелки с омлетом из одних только белков. – Ваш опыт и знания способны помочь вам играть более результативно, а главное, более непредсказуемо. Люди все больше напирают на математику, на данные. В этой области известно гораздо больше. Но на самом деле среди лучших игроков более или менее предсказуемы как раз те, кто всецело полагается на математику.

– Вот и отлично. – Я рада, что после неудачного начала мне удалось затронуть нужную струну. – Я со школы математикой не занималась.

– Мои математические способности тоже оставляют желать лучшего, и в этом нет ничего особенного, – успокаивает меня Эрик. – Они не повредят, но и без них можно стать хорошим игроком. Основы математики в покере настолько просты, что и шестилетнему ребенку под силу.

Я вздыхаю с облегчением. Но о том, что я обычно считаю на пальцах, наверное, лучше пока не говорить.

– Все, что нужно – это правильно мыслить. Вопрос в том, достаточно ли правильного мышления и усердного труда, чтобы добиться успеха. Я считаю, что достаточно, – говорит Эрик.

В каком-то смысле, продолжает он, хорошо, что я пришла со стороны. Это позволит мне посмотреть на игру свежим взглядом, под новым углом. Кроме того, у меня есть ка-

чества, которые редко встречаются у игроков. Пусть я и не знаю, что такое *диапазон* и какой мне больше подходит – *полярный* или *линейный*, – зато благодаря моему опыту и знаниям я очень хорошо умею учиться и думать и знаю, как люди устроены. В своей книге “Диапазон” Дэвид Эпштейн, размышляя о природе аутсайдеров, людей со стороны, пишет: “Кто умеет переключаться, тот выигрывает”. Возможно, свежим глазом я смогу увидеть то, что не видно изнутри, ведь привычное часто оказывается в слепой зоне. Я могу привнести то, что психолог Джонатан Барон называет “активной непредвзятостью”. Конечно, опыт опыту рознь, но мой опыт может оказаться особенно полезен.

Среди прочего Эрика очень заинтриговала Эрика заинтриговала моя способность к языкам.

– Сколько языков вы знаете? – спрашивает он.

– О, свободно я владею только двумя – английским и русским. Но раньше у меня еще был свободный французский и испанский, и итальянский я тоже знала неплохо, – говорю я. – А еще я учила фарси, но практически все забыла.

– Это и правда может пригодиться, – говорит Эрик. – Вы слышали о Филе Айви?

Я киваю. Это одно из немногих имен в мире покера, которые мне известны.

– Возможно, именно способность к языкам помогла ему в какой-то момент стать лучшим во всех многочисленных разновидностях покера, – поясняет Эрик. Каждую разновид-

ность можно рассматривать как новый язык, который нужно выучить. – И знаете, что меня больше всего потрясло? Его сестра – лингвист. И она говорит на пятнадцати или около того языках.

Вот это круто. Мои способности на таком фоне выглядят весьма скромно.

– Сколько наберется людей, у которых был бы такой мозг или подобные интересы? – говорит Эрик. – Похоже, у Фила и его сестры мозг устроен так, что они могут невероятно быстро усваивать языки. Приятно слышать, что у вас есть та же способность быстро учить языки и переходить с языка на язык, потому что это и есть ключ к успеху.

В этом что-то есть. Покер действительно во многом напоминает изучение иностранного языка. Ведь это новая грамматика, новый словарь, новый способ взаимодействия с миром. Но мне сразу приходит на ум одно существенное отличие. Способность к изучению языков у людей встроенная. Да, одним это дается легче, другим – тяжелее, но все мы без особых затруднений усваиваем родной язык, как будто в нашем мозгу изначально заложена инструкция по вычленению смысла из наборов звуков и угадыванию правил, даже когда нас специально этому не учат. Покер – другое дело: как бы сильно вы ни полагались на психологию, успех во многом упирается в статистику. Надо научиться считать шансы, оценивать свою руку, прикидывать, что у других, учитывать, может ли ваша рука усилиться, и т. д. Все это требует опреде-

ленных статистических расчетов. Насколько хорошо я с ними справлюсь – вопрос отдельный.

– Знаете, а ведь психология в покере – самое интересное, – замечает Эрик, прерывая мои раздумья. – А что именно в принятии решений вы изучали? Что-то вроде того, чем занимался Канеман?

– На самом деле моим научным руководителем был Уолтер Мишель – тот самый, который придумал зефирный тест¹⁰, знаете?

– Ух ты. Это здорово. Самоконтроль в игре очень много значит.

Выходит, мистер Сайдел знает и про зефирный тест. Похоже, я не ошиблась в выборе.

– Я так и предполагала, – отвечаю я. – То есть я, конечно, никогда не играла. Но вот что я вам скажу: могу поспорить, что я прочла больше книг на эти темы, чем кто угодно из игроков. Я изучала влияние стресса на принятие решений. Влияние эмоций. Сжатых сроков. Все, что, как мне кажется, больше всего пригодится. И... и... – Все идет хорошо, и я не хочу, чтобы он перебивал. Мне необходимо, чтобы он согласился учить меня. – Вот, взгляните, что я нашла.

¹⁰ Речь о серии экспериментов, получивших название “зефирный эксперимент”, или “зефирный тест” (marshmallow-test). Детям предлагали выбор: получить небольшую порцию сладостей сразу или через 15 минут, но вдвое больше. В ходе отслеживания успехов этих детей в последующие годы было обнаружено, что у детей, способных отказаться от сиюминутного удовольствия, жизнь складывалась лучше.

И я достаю из рукава свой туз: статью о том, как “читать” соперников в покере, которая, насколько я знала, публиковалась только в научных изданиях. Причем она была основана на анализе финальных столов *WSOP*. Дело серьезное.

Эрик вдумчиво читает статью. Он весь внимание. А потом начинает смеяться.

– Ничего себе. Ну ладно. Только никому это не показывайте.

Я обещаю, что не буду. Так рождается наш союз.

* * *

Мне выпала редкая возможность, ведь нам почти никогда не приходится изучать совершенно не освоенный навык, начинать ученичество с нуля, не только под руководством лучшего в мире эксперта, но и в деле, где соотношение мастерства и случая так же сбалансировано, как и в жизни. Эрика Сайдела не слишком заботит, выиграю я в какой-либо конкретной игре или нет. Он просто хочет посмотреть, как далеко мы сумеем продвинуться – каких успехов я смогу достичь при помощи психологии, умения “читать” людей и разбираться в тонкостях эмоций. Если начать с чистого листа, сможет ли понимание того, как устроен человеческий разум, помочь одолеть за карточным столом математиков-вундеркиндов и гениев статистики? В некотором смысле это такая же проверка жизненной философии, как и все остальное. Каче-

ственная сторона против количественных показателей. Человек против алгоритмов. Я буду представлять, что по этой оси проходит слом парадигмы, который мы переживаем прямо сейчас – и я нахожусь в одной из крайних точек. Решающим испытанием станет Мировая серия покера. В этом турнире никогда не побеждали женщины – и лишь одной женщине удалось добраться до финального стола. Эрик не просто учит меня играть. Он учит меня побеждать – вот до чего крепка его вера в то, что наш подход в конечном счете лучший. И я сделаю все, от меня зависящее, чтобы мое путешествие увенчалось успехом.

Для меня это не только испытание жизненной философии, хотя главным образом именно оно. Но это еще и личное. Я не хочу подвести Эрика. Он не просто верит в мои способности и свой подход, его вера в меня – проявление безграничной щедрости души: по отношению к друзьям и людям, которым он доверяет и которых уважает, Эрик – самый бескорыстный человек из всех, кого я встречала за долгие годы. Он тратит на меня не одно лишь время – он вкладывает в меня свою веру, энергию, мысли, репутацию. И все, что приходит мне в голову в связи с этим: “Только бы не облажаться”.

* * *

Предполагалось, что это будет погружение на год. А ока-

залась – новая жизнь. Я прошла путь от новичка до чемпиона. От любителя до профессионала. Идя по этому пути, я постоянно со смесью удивления и гордости наблюдала, как моя жизнь меняется к лучшему. Книга, которую вы держите в руках, подводит итоги этого путешествия. Это не скучное исследование природы игры – как играть, как выигрывать, как преуспеть. Это не руководство для игроков. Такие руководства уже написаны гораздо более сведущими людьми, чем я. Это ответ на вызов, сформулированный фон Нейманом: можно ли использовать покер как объектив, чтобы рассмотреть механизм принятия самых важных и трудных решений; это исследование того, как случай и умение делать правильный выбор соотносятся в жизни, и попытка научиться ориентироваться в их отношениях и оптимизировать их так, чтобы извлекать максимальную пользу из предложенного судьбой.

На протяжении всей книги я рассматриваю принятие решений далеко за пределами покера, примеряю то, что узнала за карточными столами, к повседневным ситуациям – и тем важнейшим решениям, которые приходится принимать редко, но которые имеют наибольшее значение. Покер абсолютно наглядно покажет вам, как управлять эмоциями; как “читать” людей; как терять меньше, а выигрывать больше; как подкрутить свои внутренние настройки, чтобы стать лучшей версией себя и не только раскусывать чужой блеф, но и успешно блефовать самим. В покере удача и мастерство

перемешаны так же, как в жизни, и, играя, мы учимся смешивать их в нужной пропорции. Покер учит, как можно по-настоящему контролировать ситуацию – и как быть с тем, что зависит лишь от воли случая, – лучше, чем любой другой опыт, который мне довелось пережить. Более того, в наш век вездесущих отвлекающих факторов эта игра служит напоминанием о том, какое огромное значение для достижения цели и успеха имеют наблюдательность и способность сосредоточиться на текущем моменте. Как важно полностью погрузиться в процесс и по-настоящему усваивать новое. Не случайно тогда, в день нашего знакомства, Эрик сказал мне: главное – внимание. Эта книга – не о том, как играть в покер. Она о том, как играть в жизнь.

Рождение игрока

Бостон, осень 2016 года

Если считать, что азартные игры аморальны, тогда любое человеческое увлечение и промысел аморальны. Ибо нет такого занятия, где не играл бы свою роль случай, где человек не рисковал бы потерять в надежде приобрести.

Томас Джефферсон, “Размышления о лотереях”

– Ты собираешься играть в *азартные игры*?

Так высказалась баба Аня, другая моя бабушка, последняя оставшаяся в живых из моих бабушек и дедушек. Я приехала в Бостон повидать родных и только что не подпрыгивала от воодушевления, рассказывая о своем новом проекте, но бабушка не поделила моего восторга. Сказать, что она не обрадовалась, – почти ничего не сказать. Она умеет делать такое лицо, что кажется, ее подбородком можно крушить камни. Точеное лицо бронзового героя-победителя на коне. Или разгневанного генерала. Бабушкино разочарование тяжким бременем легло мне на плечи. Она только-только, после десяти с лишним лет моих увещаний, простила, хоть и не вполне, меня за то, что я не хочу иметь детей. И вот теперь я пала еще ниже. Если вы думаете, что в состоянии представить себе всю силу разочарования, на которую спо-

собна старушка ростом метр пятьдесят, девяноста двух лет от роду, – вы ошибаетесь. Она была советской учительницей. Ее опыту позавидовал бы и армейский сержант, гоняющий новобранцев по плацу.

Баба Аня качает головой:

– Маша, – говорит она. Так меня зовет русская родня. – Маша.

И столько грусти звучит в этом слове, столько сожаления о жизни, которую я готова пустить под откос. Одним-единственным словом она умудрилась дать мне почувствовать, что я на грани краха, что мое решение безгранично ужасно и находится за пределами понимания.

Я догадывалась: перед ее внутренним взором мелькают страницы романа Достоевского “Игрок”, главный герой которого пустил на ветер свою жизнь в вымышленном Рулетенбурге. Достоевский знал предмет не понаслышке: приехав в Висбаден со своей двадцатидвухлетней возлюбленной, Полиной Суловой, он пристрастился к рулетке и проиграл не только все свои сбережения, но и наличность Суловой. Но это не остановило писателя: хотя игра в итоге стала причиной расставания с невестой, а потом едва не разрушила второй брак и привела к финансовому краху, игорные столы неудержимо манили Достоевского. “Везде-то и во всем я до последнего предела дохожу, – говорится в одном из его писем, – всю жизнь за черту переходил”.

Вот какая судьба ждет меня, отчетливо читаю я по лицу

бабушки. Окончила Гарвард – и решила пойти по такой дорожке?

– Маша, – повторяет она. – Ты собираешься играть в азартные игры?

Возможно, реакция бабушки была предельно острой – что может ранить больше, чем ситуация, когда твоя внучка катится по наклонной, а ты ничего не можешь с этим поделать? – но нетипичной ее не назовешь. В последующие месяцы многие будут винить меня во всеобщем падении нравов из-за того, что я защищаю покер как инструмент для саморазвития. Незнакомые люди будут называть меня аморальной. Группа интеллектуалов на ретрите скажет мне, что играть в покер, это, конечно, прекрасно, но не мучает ли меня совесть из-за того, что я учу людей (и даже детей!), что лгать – это хорошо?

Мир покера погребен под горой заблуждений. И основное из них – то, что я вижу в эту минуту в полном горя и потрясения лице бабы Ани: якобы покер и азартные игры – одно и то же. А я-то радовалась, собираясь с головой окунуться в новую стихию. Мне казалось, что основания для того, чтобы отправиться в этот путь, очевидны: конечно же, люди поймут, что покер – прекрасный способ научиться принимать решения. Вспомните фон Неймана! Вперед, за столы! Но, глядя на бабу Аню, я понимаю: мне потребуется немало усилий, чтобы добиться поддержки и доказать, что покер – не просто инструмент саморазвития, а один из самых эффек-

тивных инструментов. Мне предстоит объяснять это снова и снова, так что лучше, пожалуй, сразу подобрать правильные слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.